

«После смерти императора Тиверия вельможи [империи] восстали друг против друга, не подчиняясь друг другу, и возгорелась между ними страстная борьба из-за того, кто, выйдя победителем, воцарится. К ним явился патриарх ²⁶, который убедил их бросить жребий, с тем, что кому достанется жребий, тот и станет царем, остальные же покорятся ему. [Свое согласие на] это [вельможи закрепили] присягой, [на что] все [дали] расписки. И суть жеребьевки (метания жребия) была такова.

На рассвете надлежало открыть главные ворота, [ведущие] в город, и кто бы [в тот момент] ни попался и какой бы неродовитый он ни был, должен был быть доставлен в царский дворец. Здесь все князья должны были сесть, и на чью голову тот человек возложил бы корону, тот и сделался бы царем. Все одобрили это, и смуты прекратились. И когда наступил назначенный час, открыли ворота, заметили Маврикия (Морика), стоявшего у ворот и нагруженного соломой для продажи в целях обеспечения своего существования. Военные захватили его (Морика) и повели в баню, выкупали и, переодев его в дорогие платья, ввели во дворец. И когда Маврикия (Морику) рассказали, с какой целью военные его привели, он потребовал от них письменной клятвы в том, что оставшиеся без короны не убьют его. И те дали сильную клятву в том, что он останется невредимым. Все сидели с суетной мыслью (надеждой), и каждый [из князей] мечтал о том, как самому стать [царем]. Поставили трон и на нем корону и близ трона туфли. Маврикий (Морик) прошел в середину и, взяв корону, начал обходить присутствующих. Как только он подошел к первому из них, тот обрадовался, но опечалился второй. Когда же он остался первого, тот опечалился, а другой обрадовался. И так по порядку. Так он обошел всех дважды и трижды, опечалив [одних] и обрадовав других. Тогда он сам воссел на трон и возложил корону на свою голову. И все, увидев это, удивились. Но, поскольку все присягнули ему, говоря: «На чью голову ты возложишь [корону], тому мы и покоримся», патриарх подошел к нему и, надев на ноги туфли, поклонился ему. Точно так же поклонились все [остальные], говоря: «Да здравствует царь Маврикий!»

Утвердившись на троне, Маврикий вспоминает своего отца.

«Говорят, — продолжает Кириак (Киракос), — что он (Морик) отправил [посланцев] к своему отцу [с предложением] оставить странничество и, придя к нему (Морику), насладиться славой, в противном же случае прислать ему наставление. Служилые люди, явившись к отцу, застали его, как он ухаживал за садом, и передали ему приказ царя. Отец же в ответ сказал: «Я, отец царя, не блаженствую». При этом он стал вырывать с корнем крупные кочаны капусты, бывшие в том саду, засыпал их места землей, за мелкими же стал бережно ухаживать. Посланцы, заметив это и признав его безумным, бросили его и ушли. Однако те не вникли в смысл поступка отца. Вернувшись к царю, они рассказали ему обо всем и о безумии, совершенном [отцом] в саду. Маврикий (Морик) же, услышав их рассказ, улыбнулся, ничего не говоря им. Он арестовал вельмож, в которых усмотрел врагов своего царства, и удалил их, дабы в царстве не было смуты, на места же их назначил людей из низов. И, призвав к себе посланцев, которые от его имени ходили к отцу, сказал им: «Вот это — наставление моего отца, которое он дал в саду, а вы его не поняли»».

«Некоторые говорят, — замечает далее историк, — что он (Морик) был из каппадокийской деревни Арпус ²⁷, которую впоследствии превратил в город, и что он был полководцем Тиверия.

²⁶ Речь идет, очевидно, об Иоанне IV Постнике (582—595).

²⁷ Т. е. Арпасус, или, Арабисус.†